

Гуань Янь краем глаза заметил улыбку Тан Цюя. Хотя он не знал, над чем смеется парень, это не помешало его настроению улучшиться. Вообще, каждая минута, проведенная с Тан Цюем, доставляла ему радость.

В это время вечером в ресторане было много посетителей, и когда они пришли, свободных кабинок уже не осталось. Пришлось сесть в зале, но, к счастью, вокруг их столика было несколько деревьев, которые слегка скрывали их, избавляя от лишнего внимания.

— Сейчас самое время ужина, нам лучше было бы поесть дома. К тому же здесь такие дорогие блюда.

Тан Цюй был ошеломлен, увидев цены в меню. Даже самые простые блюда здесь стоили целое состояние.

— Не переживай за деньги. Считаю, что ты пожалел меня, избавив от необходимости готовить ужин.

— Но я думаю, что твой ужин обойдется дешевле, чем еда здесь.

— Сяо Цюй, ты ошибаешься. За один мой ужин тебя бы не хватило, чтобы заплатить.

Тан Цюй закатил глаза:

— Кто же будет так глуп, чтобы платить за твою готовку?

Гуань Янь улыбнулся:

— Миллионы людей, если не больше.

— Самовлюбленный, — Тан Цюй рассмеялся.

— Сяо Цюй, ты не ешь имбирь и чеснок?

Он уже несколько раз замечал, как Тан Цюй вытаскивает их из еды.

— Да, у меня от них болит желудок.

На самом деле у него не было такой проблемы, это было особенностью его тела. Однажды он случайно съел их, и боль чуть не свалила его с ног.

Пока они разговаривали, внезапный резкий звук из соседнего стола заставил Тан Цюя вздрогнуть.

Он инстинктивно обернулся и увидел, что у соседей разбился стеклянный стакан.

— Что это за официант? Ты вообще умеешь ходить? Если эти осколки поцарапают лицо моего сына, вы сможете за это ответить? Мой сын должен играть главную роль!

Резкий голос женщины с соседнего стола донесся до Тан Цюя.

Он слегка замер, держа палочки в руке.

Гуань Янь, заметив изменение в выражении лица Тан Цюя, наклонился и взглянул на соседний стол.

Женщина продолжала ругать официантку:

— Я не смотрю свысока на официантов, но вы должны быть профессионалами. Как можно уронить стакан, просто принося блюдо?

Услышав шум, к столу подошел менеджер зала.

— Прошу прощения, мадам. Я менеджер. Приношу извинения от имени нашего сотрудника. В качестве компенсации мы готовы предложить вам ужин за наш счет.

Менеджер был вежлив, но женщина не унималась:

— Нам не нужны ваши деньги. Меня не устраивает ваше отношение. Или вы увольняете ее, или я подам жалобу.

Менеджер посмотрел на официантку, явно сомневаясь. Увольнение не входило в его полномочия.

— Мама, ничего страшного. Я не пострадал. Давай проявим снисходительность.

Раздался милый голос, вероятно, сына женщины. Хотя голос звучал по-детски, было понятно, что это не подросток лет тринадцати. Такой голос вызывал некоторую неловкость.

— Сынок, нельзя быть таким добрым. Если кто-то причиняет тебе вред, ты должен защищаться.

— Мама, я не говорю, что не нужно наказывать. Пусть она просто соберет осколки руками.

— Менеджер, сделайте, как сказал мой сын. Это не слишком сложно, правда?

Звучало это действительно лучше, чем увольнение.

Но когда официантка присела, чтобы собрать осколки с помощью полотенца, женщина добавила:

— Мой сын сказал — руками.

Официантка замерла, глядя на осколки. Сжав зубы, она начала собирать их голыми руками.

— Ладно, на этом все. В следующий раз будьте осторожнее. Не все такие добрые, как я.

Снова прозвучал тот же «милый» голос.

Менеджер извинился и увел официантку.

Когда они оказались в сторонке, официантка сразу же сказала:

— Брат, это не моя вина. Этот мужчина хотел меня потрогать, я пыталась увернуться, и стакан упал.

Менеджер вздохнул. Девушка недавно начала работать у него, но всегда была добросовестной и трудолюбивой. Он верил ей.

— Ничего, работай как обычно. В нашей работе встречаются неадекватные клиенты. Пойди обработай рану, даже если это мелкие осколки, инфекция может быть опасной.

Тем временем за соседним столом атмосфера не изменилась.

— Сынок, ешь больше. Поздравляю тебя с получением главной роли в твоём первом фильме. Как здорово, что ты сразу стал главным героем!

Голос женщины стал намного мягче.

— Да, сынок, ешь, что хочешь. Когда ты будешь на съёмках, если тебе не понравится еда, я буду каждый день присылать тебе домашнюю.

— Папа, мама, не волнуйтесь так. Это всего лишь главная роль.

Хотя слова парня звучали скромно, в его голосе чувствовалась гордость.

— Сынок, скажи, что ты хочешь в подарок? Недавно ты смотрел спортивный автомобиль, я уже купил его. Подумай, может, ещё что-то хочешь?

— Папа, не нужно. У меня и так всего достаточно. Лучше сохраните деньги для поддержки моего нового фильма.

— Хорошо, когда твой фильм выйдет, я забронирую все кинотеатры в городе.

— Папа, ты так сказал. Мама, ты свидетель, чтобы папа не передумал.

— Хорошо, я запомню. И я поддержу тебя. Пусть сотрудники компании тоже посмотрят твой фильм.

— Но, папа, мама, я все же волнуюсь. Боюсь, что в первый раз сниматься будет сложно, и режиссер будет меня ругать.

— Не переживай, сынок. Мы уже поговорили с режиссером, он не будет тебя ругать. Он получил от нас подарок.

Эта семья наслаждалась своим счастьем, но за соседним столом атмосфера была совсем другой.

— Сяо Цюй, может, пойдём в другое место?

Гуань Янь сейчас жалел, что привел Тан Цюя именно сюда.

Тан Цюй поднял глаза, его взгляд был холоден:

— Зачем? Блюда уже заказаны, нужно доесть.

Гуань Янь заметил, что Тан Цюй явно злится.

Он уже все узнал о Тан Цюе и о семье за соседним столиком — его номинальных родителях и младшем брате.

Когда Тан Цюй изо всех сил старался оплатить учебу в университете, они сидели вместе, наслаждаясь жизнью, дарили подарки режиссеру, продвигали младшего сына и полностью игнорировали другого ребенка. Гуань Янь хотел дать им урок.

Тан Цюй действительно злился. Он не мог понять, как одна семья может быть настолько

холодной. Даже если он был приемным, они не должны были так с ним обращаться.

Как тяжело было этому юноше бороться в одиночку.

Приемный или родной — решение усыновить его было их собственным, никто не заставлял. Но они даже не выполнили элементарных обязанностей. Как такие люди могут называть себя родителями?

Гуань Янь, видя, что настроение Тан Цюя ухудшается, встал и увел его.

— Зачем ты меня тащишь?

В машине Тан Цюй спросил.

— Если бы я не увел тебя, ты бы продолжал мучиться.

— Кто мучится?

Тан Цюй упрямо ответил.

Гуань Янь коснулся его уголка глаза безымянным пальцем:

— Не мучился? Тогда что это?

На пальце блестела слеза.

Тан Цюй молчал. Он просто не мог понять, разве сироты не заслуживают счастья?

Для обычных детей крикнуть «мама» или «папа» — это естественно. А для сирот родители — это роскошь, самая дорогая в мире.

Когда они видят других детей, в их глазах всегда только зависть.

Те, кто вытащил этих детей из ада, сами отправляют их обратно. Как хрупкие плечи детей могут вынести это?

Гуань Янь понимал печаль Тан Цюя, но не знал, как его утешить. В делах семьи он не мог вмешиваться.

К счастью, Тан Цюй уже прошел через многое.

— Брат Янь, давай зайдем в книжный магазин. Я хочу купить книги.

— Хорошо.

В этот момент он был готов сделать для Тан Цюя все, что тот попросит.

Посмотрев на навигатор, они нашли ближайший крупный книжный магазин. Тан Цюй сразу направился в раздел художественной литературы, а Гуань Янь терпеливо следовал за ним, помогая нести книги.